

Куприн Александр Иванович

**Бред. Морская болезнь. Наталья
Давыдовна**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
А46

А46 **Александр Иванович К.**
Бред. Морская болезнь. Наталья Давыдовна / Куприн Александр Иванович – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 68 с.

ISBN 978-5-519-91832-9

ISBN 978-5-519-91832-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Б Р Е Д Ъ.

I.

Рота капитана Маркова ѣхала на соединеніе съ карательнымъ отрядомъ. Усталые, раздраженные солдаты, утомленные длиннымъ передвиженіемъ въ неудобныхъ вагонахъ, были молчаливы и пасмурны. На какой-то станціи со страннымъ, не по-русски звучащимъ названіемъ, ихъ поили водкой и пивомъ какіе-то люди въ поддевкахъ. Солдаты кричали «ура!», пѣли пѣсни и плясали съ каменнымъ выраженіемъ лицъ.

Потомъ началось дѣло. Рота не могла обременять себя плѣнными, и потому всѣхъ подозрительныхъ и даже просто безпаспортныхъ людей, захваченныхъ по дорогѣ, немедленно разстрѣливали. Капитанъ Марковъ не ошибся въ своемъ психологическомъ расчетѣ: онъ зналъ, что постепенно нараставшая озлобленность солдатъ найдетъ нѣкоторое удовлетвореніе въ кровавыхъ расправахъ надъ жителями.

Вечеромъ 31-го декабря рота остановилась на ночлегъ въ полуразрушенной баронской фермѣ. До города оставалось 15 верстъ, и капитанъ раз-

считывалъ прійти туда завтра къ тремъ часамъ. Онъ былъ увѣренъ, что его ротѣ завтра же придется принять участіе въ серьезномъ и продолжительномъ дѣлѣ, и потому хотѣлъ, чтобы люди, размѣщенные въ разныхъ амбарахъ, конторахъ и службахъ, хоть немного отдохнули, успокоились и подкрѣпились. Самъ же онъ занялъ себѣ подъ спальню большую, гулкую, пустую залу съ каминомъ въ готическомъ стилѣ и съ постелью, которую отобрали у мѣстнаго пастора.

Черная, беззвѣздная ночь съ мокрымъ снѣгомъ и вѣтромъ незамѣтно и быстро надвинулась надъ фермой. Марковъ сидѣлъ одинъ въ огромной пустой комнатѣ передъ каминомъ, въ которомъ ярко пылали доски разломаннаго забора. Поставивъ ноги на каминную рѣшетку и разложивъ на худыхъ острыхъ колѣняхъ карту генеральнаго штаба—«зеленку»,—онъ внимательно изучалъ глазами пространство между фермой и городомъ. При красномъ свѣтѣ огня его лицо съ высокимъ лбомъ, усами кольчиками и съ упрямымъ, твердымъ подбородкомъ казалось еще болѣе суровымъ, чѣмъ всегда.

Вошелъ фельдфебель. Съ его клеенчатого плаща бѣжала на полъ дождевая вода. Постоявъ нѣсколько секундъ и убѣдившись, что капитанъ не обращаетъ на него вниманія, фельдфебель осторожно кашлянулъ.

— Это ты?—Капитанъ повернулъ назадъ голову.—Что?

— Все обстоитъ благополучно, ваше высоко-

благородіе. Третій взводъ въ нарядѣ. Такъ что первое отдѣленіе у церковной ограды, а второе...

— Такъ. Дальше. Пропускъ сообщенъ?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе...

Онъ помолчалъ немного, точно выжидая, но капитанъ тоже молчалъ, и солдатъ сказалъ тономъ ниже:

— Какъ прикажете, ваше высокоблагородіе, съ тѣми тремя, которые...

— Разстрѣлять на разсвѣтѣ!—рѣзко оборвалъ Марковъ, не давая фельдфебелю договорить.—И потомъ...—онъ, прищурившись, поглядѣлъ на солдата:—чтобы я больше такихъ вопросовъ не слышалъ! Понимаешь?

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! — крикнулъ фельдфебель.

И опять они оба замолчали. Капитанъ легъ одѣтый на постель, фельдфебель стоялъ у двери въ тѣни. Но солдатъ почему-то медлилъ уходить.

— Все?—нетерпѣливо спросилъ Марковъ, не поворачивая головы.

— Такъ точно, ваше высокоблагородіе!

Солдатъ переминался съ ноги на ногу и вдругъ рѣшительно и настойчиво произнесъ:

— Ваше высокоблагородіе... Такъ что солдаты спрашиваютъ... Какъ прикажете съ тѣмъ... который старикъ?..

— Вонъ!—закричалъ Марковъ на фельдфебеля и быстро, съ гнѣвнымъ лицомъ выпрямился. Кажется, онъ готовъ былъ его ударить.

Фельдфебель тотчасъ же ловко, въ два темпа,

по-строевому, повернулся кругомъ и отворилъ дверь. Но на порогѣ онъ задержался на минутку и казеннымъ голосомъ сказалъ:

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, имѣю честь поздравить съ наступающимъ Новымъ годомъ. И желаемъ...

— Спасибо, братецъ,—сухо отвѣтилъ Марковъ.—Не забудь распорядиться, чтобы люди тщательнѣе осмотрѣли винтовки.

Оставшись одинъ, Марковъ, не раздѣваясь и не отстегивая шапки, бросился на кровать, лицомъ къ камину. Лицо его сразу измѣнилось, точно постарѣло, коротко стриженная голова ушла въ плечи, глаза потухли, полузакрылись съ усталымъ, болѣзненнымъ выраженіемъ. Марковъ уже цѣлую недѣлю страдалъ мучительной лихорадкой и только благодаря усиліямъ воли переламывалъ болѣзнь. Никому въ отрядѣ не было извѣстно, что по ночамъ онъ метался въ жестокихъ пароксизмахъ, трясаясь въ ознобѣ, тяжело бредя, забываясь только на мгновенія въ уродливыхъ, фантастическихъ кошмарахъ.

Капитанъ лежалъ на спинѣ, глядя, какъ перелѣзаютъ синіе огоньки въ потухающемъ каминѣ, и чувствуя, какъ къ нему медленно подкрадывается, туманя голову и разслабляя тѣло, привычный приступъ маляріи. Мысли его страннымъ образомъ были прикованы къ пойманному утромъ старику, о которомъ только что докладывалъ фельдфебель. Марковъ разсудкомъ догадывался, что фельдфебель правъ: въ старикѣ дѣйствитель-

но было что-то необыкновенное, какое-то величественное равнодушіе къ жизни, вмѣстѣ съ кротостью и глубокой печалью. Подобныхъ людей, похожихъ—но въ очень слабой степени—на этого старика, капитанъ видѣлъ тамъ, подъ Ляо-яномъ и у Мукдена, среди безропотно умиравшихъ рядовыхъ солдатъ. Когда сегодня привели къ Маркову этихъ трехъ человѣкъ и онъ объяснилъ имъ при помощи цинично-краснорѣчиваго жеста, что съ ними будетъ поступлено, какъ со шпіонами, то лица двухъ другихъ сразу поблѣднѣли и исказились смертельнымъ ужасомъ, а старикъ только усмѣхнулся съ какимъ то страннымъ выраженіемъ усталости, равнодушія и даже... даже будто бы тихаго, снисходительнаго состраданія къ самому начальнику карательной экспедиціи.

«Если онъ въ самомъ дѣлѣ мятежникъ,—размышлялъ Марковъ, закрывая воспаленные глаза и чувствуя, какъ мимо его глазъ плыветъ какая-то мягкая, бездонная тьма,—то, безъ сомнѣнія, онъ занимаетъ тамъ важный постъ, и я поступилъ очень благоразумно, приказавъ его разстрѣлять. Ну, а если старикъ ни въ чемъ не виновенъ? Тѣмъ хуже для него. Не могу же я отрывать для присмотра за нимъ двухъ человѣкъ, въ особенности въ виду завтрашняго. Наконецъ, почему же онъ долженъ избѣгнуть участи тѣхъ пятнадцати, которыхъ мы оставили позади? Нѣтъ, это было бы несправедливостью по отношенію къ прежнимъ».

Капитанъ медленно открылъ глаза и вдругъ вскочилъ въ смертельномъ страхѣ.

Передъ капитаномъ, на низкой скамейкѣ, сидѣлъ, понутившись, опершись ладонями о колѣни, въ спокойной и грустно-задумчивой позѣ, приговоренный къ смертной казни старикъ.

Капитанъ не былъ трусомъ въ общепринятомъ смыслѣ, хотя и вѣрилъ въ сверхъестественное и носилъ на груди ладанку съ какой-то косточкой. Отступить въ страхѣ, даже передъ самымъ таинственнымъ, нематеріальнымъ явленіемъ, капитанъ счелъ бы такимъ же позоромъ, какъ бѣгство передъ непріателемъ или унижительную мольбу о пощадѣ. Выхвативъ быстрымъ, привычнымъ движеніемъ револьверъ изъ кожанаго чехла, онъ взвелъ курокъ, направилъ его дуло въ голову незнакомца и закричалъ бѣшено:

— Если ты шевельнешься, чортъ тебя возьми!..

Старикъ медленно повернулъ голову. По его губамъ прошла та же самая улыбка, которая такъ врѣзалась капитану въ память съ сегоднешняго утра.

— Не тревожьтесь, капитанъ, я пришелъ къ вамъ безъ дурного намѣренія,—произнесъ старикъ.—Попробуйте хоть до утра воздержаться отъ убійства.

Голосъ у этого страннаго гостя былъ такой же загадочный, какъ и его улыбка: ровный, однотонный и какъ будто бы безъ всякаго тембра. Давнымъ-давно, еще въ раннемъ дѣтствѣ, Марковъ

нерѣдко слышалъ, оставаясь одинъ въ комнатѣ, за своею спиною такіе голоса, безъ цвѣта и выраженія, зовущіе его по имени. Повинуясь непонятному вліянію этой улыбки и этого голоса, офицеръ положилъ револьверъ подъ подушку и опять прилегъ, опершись головой на локоть и не сводя глазъ съ темной фигуры незнакомца. Нѣсколько минутъ въ комнатѣ была тяжелая жуткая тишина; только походный хронометръ Маркова торопливо отбивалъ секунды, да перегорѣвшіе уголья въ каминѣ падали внизъ со слабымъ, но звонкимъ металлическимъ хрустѣньемъ.

— Скажи мнѣ, Марковъ,—началь наконецъ старикъ:—что отвѣтишь ты не судьямъ, не начальству, даже не императору, а своей совѣсти, если она у тебя спроситъ: зачѣмъ пошелъ ты на эту ужасную, несправедливую бойню?..

Марковъ насмѣшливо пожалъ плечами.

— Однако у тебя, старикашка, довольно непринужденный тонъ для человѣка, котораго черезъ четыре часа разстрѣляютъ у дерева. Впрочемъ, поговоримъ, пожалуй. Это все-таки занимательнѣй, чѣмъ метаться безъ сна въ лихорадкѣ... Итакъ, что я отвѣчу своей совѣсти? Я отвѣчу ей, во-первыхъ, что я солдатъ, и мое дѣло повиноваться безъ всякихъ размышленій. Во-вторыхъ, я—природный русскій, и пусть всему міру станетъ извѣстнымъ, что тотъ, кто осмѣлится возстать противъ могущества великой державы, будетъ раздавленъ подъ ея пятою,

какъ червь, и даже самая могила его сровняется съ землею...

— О, Марковъ, Марковъ, сколько дикой и кровожадной гордости въ твоихъ словахъ,—возразилъ старикъ.—И сколько неправды! Ты смотришь на предметъ, приблизивъ его къ самымъ глазамъ, и видишь однѣ лишь мелкія его подробности, но отойди отъ него дальше, и онъ представится тебѣ въ своемъ настоящемъ видѣ. Неужели ты думаешь, что твоя великая родина безсмертна? Но развѣ не то же самое говорили и думали когда-то персы, и македоняне, и гордый Римъ, охватившій весь міръ своими желѣзными когтями, и дикія полчища гунновъ, нахлынувшихъ на Европу, и могущественная Испанія, владѣвшая тремя частями свѣта? Спроси у исторіи, куда дѣвалась ихъ необъятная власть? А я тебѣ скажу, что и до нихъ, за тысячи вѣковъ, были великія государства, болѣе сильныя, гордыя и культурныя, чѣмъ твое отечество. Но жизнь, которая сильнѣе народовъ и древнѣе памятниковъ, смела ихъ со своего таинственнаго пути, не оставивъ отъ нихъ ни слѣда, ни воспоминанія.

— Это пустяки,—возразилъ слабѣющимъ языкомъ капитанъ, опускаясь на спину.—Исторія идетъ своимъ теченіемъ, и не намъ направлять ее или указывать ей дорогу.

Старикъ беззвучно засмѣялся.

— Не уподобляйся той африканской птицѣ, которая прячетъ голову въ песокъ, когда ее

преслѣдуютъ охотники... Вѣрь мнѣ, пройдетъ сто лѣтъ, и дѣти твоихъ дѣтей будутъ стыдиться своего предка Александра Васильевича Маркова, палача и убійцы.

— Сильно сказано, старина! Да, и я слыхалъ объ этихъ бредняхъ восторженныхъ мечтателей, которые собираются передѣлать мечи на плуги... Ха-ха-ха!.. Воображаю себѣ это царство золотушныхъ неврастениковъ и рахитическихъ идіотовъ. Нѣтъ, только война выковываетъ атлетическія тѣла и желѣзные характеры. Впрочемъ...—Марковъ крѣпко потеръ виски, силясь что-то припомнить.—Впрочемъ, это все неважно... О чемъ я хотѣлъ тебя спросить?.. Ахъ, да! Почему-то мнѣ кажется, что ты не будешь говорить неправды. Ты здѣшній?

— Нѣтъ,—покачалъ головой старикъ.

— Но все-таки ты родился здѣсь?

— Нѣтъ.

— Но все-таки ты—европеецъ? Французъ? Англичанинъ? Русскій? Нѣмецъ?

— Нѣтъ, нѣтъ...

Марковъ въ раздраженіи ударилъ кулакомъ о бортъ кровати.

— Да кто же ты наконецъ? И почему, чортъ возьми, мнѣ такъ страшно знакомо твое лицо? Видались мы когда-нибудь съ тобой?

Старикъ еще больше понурился и долго сидѣлъ, не говоря ни слова. Наконецъ онъ заговорилъ, точно въ раздумьѣ:

— Да, мы съ тобой встрѣчались, Марковъ, но

ты никогда не видалъ меня. Вѣроятно, ты не помнишь или забылъ, какъ во время чумы твой дядя повѣсилъ въ одно утро пятьдесятъ девять человѣкъ? Въ этотъ день я былъ въ двухъ шагахъ отъ него, но онъ не видѣлъ меня.

— Да... правда... пятьдесятъ девять...—прошепталъ Марковъ, чувствуя, какъ имъ овладѣваетъ нестерпимый жаръ.—Но это... были... мятежники...

— Я былъ очевидцемъ жестокихъ подвиговъ твоего отца подъ Севастополемъ и твоего дѣда послѣ взятія Измаила,—продолжалъ своимъ беззвучнымъ голосомъ старикъ.—На моихъ глазахъ пролилось столько крови, что ею можно было бы затопить весь земной шаръ. Я былъ съ Наполеономъ на поляхъ Аустерлица, Фридланда, Иены и Бородина. Я видѣлъ чернь, которая рукоплескала Сансону, когда онъ показывалъ съ подмостковъ гильотины окровавленную голову Людовика. При мнѣ въ ночь св. Варѣоломея правовѣрные католики съ молитвой на устахъ избивали женъ и дѣтей гугенотовъ. Въ толпѣ бѣснующихся фанатиковъ я созерцалъ, какъ святыя отцы инквизиторы жгли на кострахъ еретиковъ, какъ во славу Божию сдирали они съ нихъ кожу и какъ заливали имъ ротъ расплавленнымъ свинцомъ. Я шелъ вслѣдъ за полчищами Атиллы, Чингисхана и Солимана Великолѣпнаго, которые означали свой путь горами, сложенными изъ человѣческихъ череповъ. вмѣстѣ съ буйной римской толпой я присутствовалъ въ циркѣ при томъ, какъ травили